

С.Н. ДЯГЕЛЬ

Республика Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ПОЭТИКА УЖАСНОГО В БАЛЛАДАХ И.В. ГЕТЕ

Главным жанром европейской литературы ужасов считается «готический» роман, утвердившийся на рубеже XVIII – XIX веков. Однако истории о загадочном, непостижимом, сверхъестественном вошли в литературный дискурс несколькими десятилетиями ранее, в эпоху предромантизма. Интерес к зловещему и ужасному стал своего рода реакцией на идеологию Просвещения с ее подавлением всего трансцендентного. В немецких условиях в преддверии эпохи романтизма главенствующим стало течение «Бури и натиска», канонизировавшее жанр баллады. Именно этот жанр разработал и закрепил основные стилевые приемы немецкой «литературы ужасов» (*Schauerliteratur*). Исследователи балладного жанра выделяют демоническое и трагическое в качестве постоянного жанрового признака баллады, поскольку она показывает столкновение человека с чуждой и враждебной ему средой, часто заканчивающееся трагическим исходом.

Жанр баллады занимал особое место в творчестве И.В. Гете: писатель создал непревзойденные образцы этого жанра, с его именем связывают расцвет европейской литературной баллады. Гете писал баллады на протяжении всего своего творческого пути, они разнообразны тематически и формально, в них отразились его эстетические и философские искания. Ряд баллад написан в традициях так называемой нуминозной баллады. Понятие «нуминозный» пришло из религиозного дискурса, оно описывает пугающую и одновременно притягательную природу иррационального. В нуминозной или «ужасной» балладе (*Schauerballade*) непременно присутствует что-то загадочное, необъяснимое, иррациональное. Среди нуминозных баллад выделяют природно-магические (живописуют зловещие и таинственные силы природы) и баллады о мертвецах (описывают встречи с мертвецами, привидениями и духами) [1]. В балладном наследии Гете представлены обе эти разновидности. Так, ранние баллады Гете, тесно связанных с фольклором являются природно-магическими („*Der Erlkönig*“, „*Der Fischer*“), в более поздних, уже не связанных с народной традицией балладах, появляются зловещие мертвецы либо духи („*Die Braut von Korinth*“, „*Der Schatzgräber*“, „*Der Totentanz*“).

«Литература ужасов» разработала специфическую поэтику со своими хронологическими структурами, с соответствующими характерными мотивами и сюжетными ходами. Рассмотрим ее особенности на примере отдельных баллад Гете.

Одной из первых «страшных» баллад стала баллада «*Der Fischer*» (1778), написанная Гете в первые годы его жизни в Веймаре. Толчком для написания баллады послужила трагическая история покончившей с собой молодой девушки. Гете решил написать балладу о притягательности водной стихии, о соблазнительности иномира. В центре повествования находится рыбак, который ловит рыбу на берегу реки, когда появляется русалка и зазывает его своим пением к себе в воду. Русалка персонифицирует в этой балладе опасную притягательность стихии, но Гете хотел показать еще и готовность человека поддаться этому притяжению. В соответствии с традициями нуминозной баллады человек здесь не столько противостоит стихии, сколько испытывает амбивалентное чувство ужаса и притяжения.

Хронотоп «ужасной» баллады характеризуется наличием двух миров – «дневного» человеческого и «ночного» демонического. Подобное двоемирие мы наблюдаем и в этой балладе: действие в ней разворачивается на границе двух миров – земного и того, в котором обитает русалка и в который она увлекает рыбака. Реальное пространство характеризуется такими топосами как „*Sonne*“, „*Himmel*“, „*Mond*“, символизирующими здесь светлый, дневной мир в противоположность темному миру глубин. Примечательно, что эти образы отражаются на поверхности воды, образуя обманные фантомы, которые русалка использует, чтобы завлечь человека в свой мир темной стихии. Под завораживающую и убаюкивающую песню русалки ход времени в балладе как будто замедляется, что подчеркивает интонационная и ритмическая структура баллады. Для создания зловещей атмосферы, парализующей волю рыбака, Гете мастерски пользуется средствами немецкоязычной просодии. В первую очередь это достигается использованием большого количества повторов: „*Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll*“, „*Und wie er sitzt und wie er lauscht*“. Повторяются также синтаксические структуры: так, в третьей строфе все вопросы начинаются с несущего основную смысловую нагрузку глагола – ***Labt sich die liebe Sonne nicht, / der Mond sich nicht im Meer? / Kehrt wellenatmend ihr Gesicht / nicht doppelt schöner her? / Lockt dich der tiefe Himmel nicht, / das feuchtverklärte Blau? / Lockt dich dein eigen Angesicht nicht her in ewigen Tau?***. К повторам можно также отнести практически совпадающие рифмы этой строфы: *nicht – Gesicht – nicht – Angesicht*.

В 1782 году Гете написал свою самую известную балладу о столкновении двух миров – «*Erlkönig*». В этой балладе воплотились характерные для мировоззрения поэта этого периода натурфилософские представления о природе. В отличие от просветительской концепции гармоничной и разумной естественности природа приобретает здесь амбивалентный характер, как и в балладе „*Der Fischer*“: она притягательна, но одновременно таинственна и иррациональна, часто враждебна человеку.

Сюжет баллады широко известен: проезжая через ночной лес, два путника – отец и сын – встречаются с демоническим существом. В балладе представлено два разных восприятия природы. Отец – носитель рационалистического мировоззрения, которое пытается логически объяснить необъяснимое, демон – это воплощение природы, полной тайн, неизвестности и смертельной опасности. Противопоставление отца и демона символически показывает противопоставление двух миров: мира разума и гармонии миру разрушительного хаоса. Эти два мира ведут борьбу за ребенка, за его чистую душу, которая еще пока открыта и для «дневного» мира, и для «ночного» демонического.

В балладе мы видим традиционные элементы хронотопа «ужасной» баллады: героев окружает осенний ночной ландшафт („*Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?*“, „*in dürren Blättern säuselt der Wind*“). Эти элементы обусловлены фольклорными корнями баллады. В первую очередь это относится к мифологической интерпретации пространства, когда пересечение границы всякого топоса обозначает гибель персонажа. Дорога героев баллады к дому лежит через лес, а в фольклоре мифологема леса – это дорога в мир мертвых. Лес в балладе Гете также враждебен героям: здесь они встречаются с представителями загробного мира.

Нарастающее напряжение, чувство смертельной опасности подчеркивается просодическими средствами. Гете искусно использует ритмические перебивы, что демонстрирует изменение ритмической структуры последней строфы: *Dem Vater grauset's, er reitet geschwind, / Er hält in Armen das ächzende Kind, / Erreicht den Hof mit Mühe und Not; / In seinen Armen das Kind war tot.* Выпадение артикля во второй строке и подлежащего в третьей показывают ускорение ритма, усиливают значение слова «*geschwind*». Неожиданная инверсия в последней строке (подлежащее на втором месте) – это выражение внезапной остановки: ребенок умер.

Некоторые баллады, созданные в период веймарского классицизма, также используют эстетику «ужасной» баллады, однако в них уже наблюдается нарушение канона, как, например, в балладе «*Der Schatzgräber*» (1797). Баллада имеет форму монолога героя, человека, доведенного до отчаяния нищетой, готового на страшный поступок – продажу души дьяволу за богатство. Он заключает договор с темными силами, чтобы откопать клад. Специфичным в этой балладе является уже то, что повествование в ней ведется не от третьего, а от первого лица и повествователь здесь сам герой баллады, а не лирическое «я».

Время действия баллады – ненастная ночь, когда герой совершает обряд заклинания нечистой силы. В соответствии с традициями «ужасной» баллады это создает атмосферу ожидания чего-то страшного, недоброго („*Schwarz und stürmisch war die Nacht*“). Герой зажигает огонь, чертит

круги, смешивает травы с костями и бросает их в огонь, произносит заклинание и начинает копать в земле, в надежде найти клад. Однако вторая часть баллады не оправдывает мрачных предчувствий. Ровно в полночь (*“Eben als es zwölfte schlug“*) кладоискатель, приготовившийся к страшной встрече с нечистой силой, замечает в темноте свет, сначала похожий на сияние звезды. Вместо злого духа, которого вызывал своими заклинаниями кладоискатель, перед ним появляется прекрасный ребенок, несущий в руках сверкающий сосуд – символ жизни. Хронотоп этой баллады обусловлен контрастом мрака и света, он строится на следующей оппозиции: день и свет противопоставлен мраку и ночи. Ночь – время зловещего, темных суеверий, день – время деятельной, честной жизни. Эти пространственно-временные противопоставления имеют символическое значение: попыткам приобрести богатство темными путями Гете противопоставляет идеал честной и трудной жизни: *Trinke Mut des reinen Lebens! / Dann verstehst du die Belehrung, / Kommst, mit ängstlicher Beschwörung, / Nicht zurück an diesen Ort. / Grabe hier nicht mehr vergebens. / Tages arbeit! Abends Gäste! / Saure Wochen! Frohe Feste! / Sei dein künftig Zauberwort.* Как видим, традиционный для «сумрачной» баллады сюжет Гете связывает с нравственным поучением, придавая балладе дидактический характер. Баллада иллюстрирует мировоззренческую эволюцию Гете: ночной мир хаоса никуда не делся, однако разумное поведение способно уберечь человека от бедны.

В заключение отметим, что для поэтики «ужасной» баллады характерны специфические пространственно-временные и образно-смысловые координаты, в которых разрабатывается идея существования человека в непонятном и часто враждебном ему мире, где возможна встреча с чем-то сверхъестественным и непостижимым. Существовая в этой системе координат, гениальные баллады Гете раскрывают тему взаимодействия человека с окружающим миром, исходя из мировоззренческих установок поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потемина, М.С. Проблемы жанра и поэтики баллад И.В. Гете: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.03: Калининград, 2001
2. Goethe, J. W. Gedichte / J. W. Goethe. – Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1976. – 618 S.